

ИСТОРИЯ И ИСТОРИОГРАФИИ ДРЕВНЕГО МИРА

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

УДК 930.1

doi: 10.26907/2541-7738.2022.6.81-94

ЗАРУБЕЖНАЯ БИБЛЕИСТИКА В СОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ: ФОРМИРОВАНИЕ И ЭВОЛЮЦИЯ КРИТИЧЕСКОГО НАРРАТИВА

А.А. Попова

*Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского,
г. Омск, 644077, Россия*

Аннотация

Критический нарратив – один из наиболее интересных элементов советской исторической науки, поскольку, с одной стороны, его изучение позволяет рассмотреть практики и инструменты, используемые для оценки взглядов оппонентов, с другой – более детально восстановить представления самого автора о предмете критики. В статье рассмотрены проблемы формирования, развития и распада данного нарратива в сфере советской библеистики. Высказано предположение, что критический нарратив, тесно связанный с антирелигиозной пропагандой, формировался в 20-е годы XX в. при заметном влиянии пропагандистов-антирелигиозников, а в конце 30-х годов был легитимирован в поле науки программными статьями библеистов и практически не менялся до конца советского периода. В последние годы советской власти антирелигиозная политика приобрела неоднозначный характер, что во многом повлияло на устойчивость унифицированного критического нарратива. Это позволяет сделать вывод, что на исходе советского периода перед учеными открылись новые возможности при построении исследований, поэтому процесс деунификации советского библейского нарратива продолжился и после падения советского режима.

Ключевые слова: советская историография, библеистика, Библия, антирелигиозная пропаганда, религиозная политика СССР

Отечественная библеистика – малоизученный, но в то же время крайне интересный феномен мировой историографии. В дореволюционной России она ограничивалась цензурой православной церкви, поэтому могла развиваться относительно свободно лишь на протяжении небольшого промежутка времени после отмены церковной цензуры в 1907 г. и до прихода к власти большевиков, которые начали проводить антирелигиозную политику уже с первых лет своего правления [1, с. 65–70].

В советское время библейские исследования осуществлялись в условиях угнетения религиозных институтов, в связи с чем установилась монополия государства на их результаты; ценностью библеистики признавалось лишь то, что она давала основу для антирелигиозной пропаганды, являвшейся важной составляющей советской идеологии. Тем самым библеистика должна была, с одной стороны, выполнять государственный заказ по производству пропагандистского материала, с другой – создавать научные труды, которые находились бы в рамках антирелигиозного дискурса. Такое положение неизбежно вело к формированию определенного канона научного труда, где учитывались разрешенные темы, авторы, структура нарратива, приемы ведения научного спора и аргументация [2, с. 257–266]. В настоящей работе мы рассмотрим лишь несколько из указанных аспектов, а именно: критерии подбора авторитетных мыслителей в сфере библеистики и особенности выстраивания критики их трудов, для чего попытаемся выявить особенности советского критического нарратива и проследить его эволюцию в сфере библеистики. Под критическим нарративом мы понимаем совокупность практик и инструментов, используемых для оценивания взглядов оппонентов, исследуя которые возможно восстановить представления самого автора о предмете критики.

Большевики вели антирелигиозную пропаганду в легальных формах еще до прихода к власти. Например, агитаторы могли преподавать в вечерних воскресных школах для рабочих или на образовательных курсах. Статьи по религиозным вопросам публиковались в «Искре» и «Новой жизни», также издавались листовки и прокламации [1, с. 40–41]. После Октябрьской революции антирелигиозная политика стала одним из основных направлений деятельности партии. В.И. Ленин был непреклонен в своем мнении относительно религии, полагая, что она враждебна материализму, а следовательно, и марксизму – основе советской идеологии (Отн.раб.п., с. 418). Интересно, что сами классики не высказывали подобной идеи, например, Ф. Энгельс писал, что вопрос религии является «совершенно второстепенным» (Энг., с. 95).

Уже в первые годы советской власти большевики начали проводить секуляризационную политику: в Конституции 1918 г. провозглашалось отделение церкви от государства, а постановление «О советской школе» предписывало прекратить преподавание религиозных дисциплин в учебных учреждениях, отменялась религиозная присяга, из списка общероссийских праздников убрали все религиозные [1, с. 69–70]. Вместе с политикой секуляризации активировалась и антирелигиозная пропаганда, призванная убедить население в правильности выбранного властью курса. Ее пик пришелся на первую половину 20-х годов XX в., и в это время она была в большей степени антиклерикальной, а редкие образцы непосредственно антирелигиозной риторики были весьма низкого качества (см. подробнее [3]).

Из воспоминаний Н.К. Крупской известно, что В.И. Ленин остро реагировал на эту ситуацию, считая антирелигиозную пропаганду того времени поверхностной, вульгаризированной, мало связанной с новейшими научными изысканиями (Обстановка, с. 148–149). В начале 20-х годов XX в. он ознакомился с трудом германского философа А. Дреуса «Миф о Христе» (MoXp.), который произвел на него двойственное впечатление. В.И. Ленин высоко оценил первую часть работы, в которой ученый доказывал, что Христос никогда не существовал, однако

критически отнесся к рассуждениям А. Дрекса о необходимости очищения и возрождения религии на новых основаниях, полагая, что вторую часть тот написал в интересах буржуазных эксплуататоров, помогая им заменять старые религиозные предрассудки новыми (О знач., с. 27–28).

В 1922 г. вышла в свет статья В.И. Ленина «О значении воинствующего материализма», в которой он призывал к «союзу с Дрексами» (под этим общим термином имея в виду зарубежных библеистов и богословов) для борьбы «с господствующими религиозными мракобесами» (О знач., с. 28). Поскольку советская антирелигиозная пропаганда нуждалась в идеях, научных концепциях, которые на данный момент можно было получить только из-за рубежа, ведь дореволюционная русская библеистика, в значительной мере связанная с гонимой большевиками церковью, не могла предоставить критического материала для новой идеологии, рекомендация В.И. Ленина была воспринята пропагандистами-агитаторами с энтузиазмом.

В 1924 г. в издательстве «Атеист» был опубликован перевод упомянутого труда А. Дрекса с предисловием П. Красикова, видного советского пропагандиста, редактора журнала «Революция и церковь». Это образец построения одного из первых советских критических нарративов в области библеистики, который в основных моментах будут воспроизводить многие советские исследователи Библии (см. подробнее [4]).

Очевидно, в основу своего предисловия П. Красиков положил высказывание В.И. Ленина по поводу данной книги, однако дополнил его собственными идеями. Он также исходил из тезиса, что в «Мифе о Христе» есть сильная и слабая стороны, но именно в существовании этого противоречия и видел ростки материализма. Кроме того, он отмечал, что идеи А. Дрекса в некоторой степени связаны с марксизмом, но не современным, а с его истоками – младогегельянской философией, Б. Бауэром и Л. Фейербахом (Крас., с. 7–8). Вторая же часть труда, по мнению автора предисловия, была создана в стремлении купить благосклонность духовенства, однако оно не пошло на сделку и выступило с резкой критикой, подвергнув А. Дрекса многолетней травле. П. Красиков заявлял, что атеисты всего мира готовы оказать поддержку немецкому ученому, если тот откажется от своих религиозных идей и пойдет по пути материализма. В том, что это произойдет, он не сомневался и даже (совершенно беспочвенно) предполагал, что в скором времени А. Дрекс будет вынужден переехать в Советскую Россию, поскольку только здесь он сможет высказывать свои передовые идеи свободно (Крас., с. 6–7).

Конечно, П. Красиков намеренно сгущал краски. Конец XIX – начало XX в. – период расцвета библейской критики в европейской науке. В оборот вводятся ассирийские источники, позволяющие по-новому взглянуть на библейский текст, на этой волне появляется множество новых теорий, зачастую привлекавших к себе огромное внимание, таких как лекции Ф. Делича или труды панвавилонистов [5, с. 28–29]. Все они подвергались критике со стороны как светских ученых, так и богословов. В связи с этим теория А. Дрекса, хотя и могла считаться оригинальной, по большому счету стояла в ряду ей подобных, выдвигавшихся на протяжении фактически полувека, и должна восприниматься в контексте той трансформации библеистики, которая началась еще с публикации «Жизни Иисуса» (1863) Э. Ренана.

Несложно заметить, что П. Красиков в своем нарративе стремился легитимировать труд *буржуазного* ученого в советской науке посредством корректировки его взглядов, приписывая ему мысли и идеи, которых тот никогда не высказывал. Тем самым, создавая образ героя, который готов бороться за свои убеждения до конца, П. Красиков пытался показать А. Дрекса чуть ли не представителем зарождающейся марксистской науки, *своим* ученым, с красивой легендой и правильными идеями, хотя и в некоторых моментах заблуждающимся. В марксистском «пантеоне» было предельно мало историков религии¹, поэтому такое «присвоение» А. Дрекса оказывалось насущной необходимостью.

В подобном же ключе было написано предисловие к работе английского публициста Дж. Робертсона «Евангельские мифы» другим видным антирелигиозным деятелем И.А. Шпицбергом. Последний подчеркивал, что труд Дж. Робертсона создан в эпоху загнивания капиталистического строя, и в его концепции значительное место занимает анализ социальной стороны исторического процесса, поэтому тот факт, что автор – буржуазный исследователь, не столь важен, поскольку его подход к историческому материалу сближает его взгляды с марксистскими. Несомненным же достоинством работы Дж. Робертсона И.А. Шпицберг считал отрицание автором существования Христа (Еванг.м., с. V–VI).

Таким образом, 20-е годы XX в. можно охарактеризовать как время методологических поисков. В этот период постепенно формируется представление о специфике марксистского научного нарратива, а также осуществляется подбор ученых и мыслителей, на чьи труды должно опираться в исследовании. Интересным примером здесь может послужить небольшая книга пропагандиста А. Логинова «Религия и нравственность» (Рел.нравст.), вышедшая в свет в 1923 г. Значительная ее часть – это высказывания мыслителей, признаваемых на тот момент авторитетными по данной теме а также некоторые цитаты из священных книг, подобранные, безусловно, тенденциозно. Очевидно, что данная книга предназначалась для агитаторов-антирелигиозников в качестве сопроводительного материала, откуда они могли черпать информацию для ведения пропагандистской работы. В труде представлены цитаты из работ Ф. Энгельса, К. Каутского, А.А. Богданова, наркома просвещения А.В. Луначарского. Однако, как известно, в дальнейшем Ф. Энгельс будет признан классиком марксизма (в 1930 г.), а А.В. Луначарский, хотя и будет подвергаться критике за свои высказывания в защиту церковного искусства, всё же останется видным политическим деятелем, тогда как А.А. Богданов и К. Каутский классиками признаны не будут (Ран., с. 10) и даже в значительной степени окажутся забыты советской наукой.

Важно заметить, что в целом в данный период научные изыскания в сфере религии были затруднены, так как антирелигиозная идеология только задавала направление и рамки исследований, в то время как марксистская методология науки лишь формировалась. В результате библеистика оказалась в руках пропагандистов, которые гораздо в меньшей степени были заинтересованы в научной доказательности своих трудов. Они, как правило, выбирали популярные темы, такие как происхождение религии, религиозных праздников и таинств,

¹ Пожалуй, можно назвать только К. Каутского, отношение В.И. Ленина к которому было даже более критическим [6, с. 109–120].

священных книг и их наиболее известных сюжетов (Потопа, Творения, воскресения Христа) (см. напр., (См.иВоскр., Рождество, Пасха, Лег.оХр., О боге)), активно использовали концепции зарубежных исследователей, зачастую обозначая их лишь в сноске, не подвергая критике, преследуя основную цель – убедить как можно большую часть читателей в том, что религия является рудиментом ушедшего социального строя (Рум.1, с. 44–46; Рум.2, с. 5–6, 11). Вместе с тем именно пропагандисты в данный период начинают вводить в оборот первые зарубежные труды, которые впоследствии станут обязательными для цитирования и критики в советских исследованиях Библии.

Значительную роль в развитии критического нарратива отечественной библеистики сыграл Н.М. Никольский. Он входил в число немногих специалистов, кто занимался Библией до революции и продолжил после, став одним из виднейших ученых-библеистов. Во многом устойчивость его позиции в науке связана с тем, что еще до установления большевистской власти Н.М. Никольский был приверженцем материалистического подхода, в связи с чем его ранние исследования признавались легитимными и в советское время.

До революции под редакцией Н.М. Никольского выходила серия «Религия и церковь в свете научной мысли и свободной критики», в рамках которой издавались переводы работ видных зарубежных библеистов, в том числе Д. Штрауса и Ю. Велльгаузена (Ж.И.1; Ж.И.2; Ист.Изр.). В предисловии к изданию последнего Н.М. Никольский дал краткий анализ зарубежной библеистики XIX в. В нем он отметил, что Ю. Велльгаузен являлся одним из первых исследователей, применивших к Евангелиям критический метод, что позволило ему поставить вопрос об их достоверности и пределах научного знания о личности Христа (Ист.Изр., с. XI – XII).

Отношение Н.М. Никольского к работе Ю. Велльгаузена изменилось с приходом советской власти. До революции он в большей степени обращал внимание на положительные черты труда последнего, отмечая важность его открытия, касающегося пересмотра датировки Моисеева Пятикнижия. Ю. Велльгаузен полагал, что возникновение этого текста относится не к началу израильской истории, как считали ранее, а к ее концу. Однако в советское время нарратив об этом ученом в изложении Н.М. Никольского изменился: он критиковал Ю. Велльгаузена за идеализм, порожденный его богословским образованием, и отмечал, что если в первой части труда библеист указывал на то, что основатели слепопленной теократии фальсифицировали традицию, составив новый закон от имени Моисея, то во второй части оправдывал это, заявляя, что во времена Второго Храма подобное было необходимо для сохранения «супранатуралистического» монотеизма (Ник., с. IX). Конечно, в данном нарративе нельзя не заметить аналогий с разделением труда А. Дрекса на две части: «хорошую» и «плохую», точнее – подходящую и неприемлемую.

Из большого числа имен зарубежной библеистики конца XIX – начала XX в. советскими учеными использовался лишь ограниченный круг авторов, чьи труды были переведены в серии Н.М. Никольского, что было связано в первую очередь с малой доступностью литературы религиозного характера. Таким образом, Д. Штраус и Ю. Велльгаузен с оценками их трудов, данными Н.М. Никольским, заняли важное место в критическом нарративе советской библеистики,

в сущности, заменяя раннюю историографию исследований Библии (см., например, (Кн.оБибл., с. 71–74, 110–114; РиАт., с. 277)).

В 1937 г. в свет вышла монография А.Б. Рановича с объемным предисловием Н.М. Никольского, в котором последний впервые обобщил методологические установки марксистской науки в области библеистики и подытожил дискуссию начала 30-х годов XX в., в ходе которой был подтвержден авторитет Ф. Энгельса как классика марксизма и раскритикован К. Каутский [7, с. 40–48]. Соответственно, методологической основой советских исследований религии стал подход, разработанный Ф. Энгельсом. Н.М. Никольский также расширил эту методологию, распространив ее на библейские исследования. Он отмечал, что зарубежная библеистика идеологически-богословская, поэтому, применяя «формально-филологический» метод при исследовании священных книг, она может раскрыть лишь сознательные искажения текста, выявляемые при сравнении марксистского текста с более ранними версиями. И утверждал, что в тех случаях, когда этот метод не приносит результатов, западные библеисты прибегают к фальсификациям, исправляя текст, при этом исходят только лишь из собственных логических соображений (Проб.кр., с. 32). Марксистская наука, в свою очередь, должна разоблачать «научную несостоятельность и контрреволюционную сущность... установок буржуазно-богословской науки» (Проб.кр., с. 30). Марксизм имеет огромный потенциал в изучении Библии, так как предполагает иной подход к материалу, что позволяет пересмотреть в итоге и выводы буржуазных библеистов. По мнению Н.М. Никольского, изучение социально-экономических оснований религиозных верований дает возможность восстановить истинный смысл древних текстов, не прибегая к фальсификациям, так как религия, являясь частью надстройки, зависит от базиса (производственных отношений) и должна изучаться исключительно в связке с ним (Проб.кр., с. 35). Тем самым Н.М. Никольский, во-первых, обозначил цели марксистской науки в области библеистики, во-вторых, задал параметры, согласно которым следует выстраивать критический нарратив.

После Великой Отечественной войны отношение к церкви в СССР в целом смягчилось (даже если учитывать всплеск антирелигиозной пропаганды при Н.С. Хрущёве), но идеологически Советское государство до своего распада оставалось атеистическим. Агрессивная, малоквалифицированная антирелигиозная пропаганда 20-х – начала 30-х годов XX в. сменилась научной, на смену Союзу воинствующих безбожников в 1947 г. пришло общество «Знание», членами которого стали представители научной и творческой интеллигенции [8, с. 144]. В то же время основной целью «Знания» по-прежнему оставалось создание и транслирование антирелигиозного дискурса, главным образом через сферу образования. Кроме того, в основных чертах неизменным до конца советского периода оставался марксистский канон исследований религии, сформировавшийся в 30-е годы XX в.

Эти тенденции нашли отражение и в библеистике, оказывая на нее сдерживающее влияние. Свободный исследовательский поиск был ограничен марксистским научным нарративом, в своей сущности не предполагавшим нахождения истины, поскольку та считалась известной и положенной в основу канона, поэтому задача ученого заключалась только лишь в подборе доказательств, подтверждающих установки. Другим ограничивающим фактором оставался антирелигиозный

дискурс, хотя и слабевший к концу режима, тем не менее постоянно присутствовавший в советском обществе. Соответственно, критический нарратив, являющийся неотъемлемой частью марксистского исследования библейских текстов, также мало менялся с течением времени. Еще в 30-е годы XX в. он приобрел свои основные черты и выстраивался следующим образом: в первую очередь отмечались достоинства работы «буржуазного» автора, которые чаще всего выражались в успешном эмпирическом исследовании узких тем, также положительным моментом считалось отрицание историчности библейских героев. Слабое место концепций «буржуазных» историков объяснялось чаще всего через идеализм самих концепций, который являлся следствием влияния богословских взглядов, стремления угодить интересам эксплуататорского класса, неприятия или незнания марксистского подхода. Иными словами, приверженность идеалистическим установкам не позволяла библеистам перейти на более высокий уровень теоретизирования, в результате чего они совершали ошибки в интерпретации религиозных текстов. Упоминание выводов и цитат Ф. Энгельса также составляло необходимую часть критического нарратива, поскольку именно его взгляды на религиозные явления считались наиболее авторитетными, соответственно, любой отход от представлений классика использовался как обоснование негативной части характеристики. Классическим приемом, соответственно, являлось деление критического обзора на две части: фиксация позитивного вклада, полезного и марксистской науке, и обозначение негативного «осадка», непреодолимого в силу методологической порочности «буржуазной» мысли.

В 1958 г. вышел в свет научно-популярный труд И.А. Кривелёва «Книга о Библии», посвященный основным вопросам, касающимся священного текста, его идей, мотивов и традиций исследования. Автор отмечал, что зарубежные исследователи всегда зависели от интересов класса эксплуататоров: например, когда буржуазия была заинтересована в преодолении феодальной церковной идеологии, произошел расцвет библейской критики, однако с укреплением ее власти библеистика скатилась на антинаучные позиции, стремясь приукрасить библейскую историю (Кн.оБибл., с. 62). Основным недостатком «буржуазных» библейских исследований И.А. Кривелёв называл тот факт, что история Библии, как и религии вообще, рассматривалась без материалистического анализа общественно-исторических отношений, породивших ту или иную религиозную систему. Ведь именно исторический анализ экономики общества, его классовой структуры, политического строя, духовной культуры является главным условием для понимания религии как феномена. И.А. Кривелёв также оговаривался, что данный материал, конечно, рассматривался некоторыми буржуазными исследователями, однако в их трудах преобладал либо «односторонне филологический подход», основанный только на изучении текстов, либо археологический, базирующийся на анализе памятников. Основываясь на этих замечаниях, И.А. Кривелёв приходил к выводу, что только марксистский подход может дать подлинные научные результаты в изучении библейских текстов (Кн.оБибл., с. 132–133). Таким образом, мы видим, что и в работе 50-х годов XX в. по-прежнему воспроизводится критический нарратив, сформировавшийся в 20-е годы и подытоженный «декларацией» Н.М. Никольского.

И всё же некоторые изменения произошли, теперь критика зарубежной библеистики касалась не только лишь идеалистически настроенных ученых. Если в 20-е годы XX в. важной задачей советской науки был поиск «сторонников» среди западных коллег, то в постсталинское время ядро цитируемых и критикуемых авторов было определено, и советские исследователи бросили силы на борьбу за чистоту марксистского подхода, стремясь пресечь попытки его неправильного применения.

В 1959 г. был опубликован перевод труда британского публициста А. Робертсона «Происхождение христианства» с предисловием С.И. Ковалёва. Известно, что А. Робертсон придерживался марксистских взглядов, в связи с чем привлек внимание советских исследователей (см. подробнее [9, с. 50–53]).

С.И. Ковалёв подчеркивал, что марксистская методология дала возможность британскому коллеге по-новому взглянуть на исторический материал. В результате он пришел к единственно верным выводам: христианство не являлось продуктом творчества пророков и проповедников, а представляло собой широкое общественное движение, порожденное совокупностью социально-экономических причин. Борьба между различными течениями в раннем христианстве объяснялась А. Робертсоном соперничеством различных классовых группировок, а объединение этих группировок и создание единой церкви привело к торжеству эксплуататорского класса (Пр.хр., с. 5).

Тем не менее значительная часть предисловия С.И. Ковалёва была посвящена методологическим проблемам монографии британского коллеги. Среди таковых, например, была отмечена «небрежность в терминологии». С.И. Ковалёв писал, что марксизм выработал ряд принципиально важных понятий (революция, империализм, класс и др.), неточное употребление которых ведет к серьезным методологическим и фактическим ошибкам. Так, в случае А. Робертсона неуместное употребление термина «империализм» привело к необоснованной модернизации рабовладельческого общества. Неумелое обращение с ключевыми марксистскими понятиями, по мнению С.И. Ковалёва, означало, что А. Робертсон не полностью ушел от буржуазной терминологии.

Самым слабым местом труда британского исследователя в оценке С.И. Ковалёва являлось признание историчности Христа. А. Робертсон доказывал, что в ранних слоях текста Евангелий возможно обнаружить следы революционного движения, целью которого было свержение римского владычества и власти Ирода в Палестине; во главе его первоначально стоял Иоанн Креститель, а затем сам Христос (Пр.хр., с. 8–15). Значительная часть предисловия С.И. Ковалёва была посвящена опровержению теории А. Робертсона. В результате советский исследователь пришел к выводу, что при всех достоинствах работы (о которых, впрочем, С.И. Ковалёв практически не говорил) датировка автором синоптических Евангелий и признание существования Христа сближает его позицию с традиционной богословской – это означает, что его марксистские позиции представляются очень слабыми (Пр.хр., с. 25).

Борьба с религией в Советском Союзе считалась одним из важнейших направлений идеологической политики, поскольку утверждалось, что, согласно логике исторического процесса, коммунизм может восторжествовать только при условии полной секуляризации. Однако уже к 70-м годам XX в. стало ясно,

что процесс секуляризации идет медленнее, чем планировалось, более того, церковь становится мощной идеологической силой. Советская власть долгое время пыталась поддерживать антирелигиозный дискурс. Так, например, еще в 1986 г. М.С. Горбачёв утверждал, что религия противоречит материализму, социалистическому образу жизни и научному мировоззрению [8, с. 277]. А в Новой редакции программы КПСС, принятой в том же году, говорилось о необходимости преодоления религиозных предрассудков путем атеистического воспитания, направленного на просвещение граждан и распространение новых советских обычаев и традиций (Нов.ред., с. 600). Однако ситуация существенным образом изменилась два года спустя, когда состоялось общегосударственное празднование Тысячелетия Крещения Руси. Тогда М.С. Горбачёв во время встречи с патриархом Пименом признал, что Крещение является общенародным торжеством. Подобное заявление явилось неожиданностью, поскольку линия партии до того отрицала значение этого события в истории государства. Выступая на партийной конференции летом 1988 г., М.С. Горбачёв отметил, что необходимо отделять коммунистическую идеологию от политики. Хотя, согласно коммунистической идеологии, религиозное мировоззрение – нематериалистическое и ненаучное, это не является поводом для притеснения верующих сограждан [8, с. 281]. Неоднозначность религиозной политики конца советского периода ярко отразилась в трудах исследователей Библии.

Упомянутый нами ранее И.А. Кривелёв в 1987 г. издал научно-популярный труд «Христос: миф или действительность?», на примере которого возможно проследить некоторые изменения в восприятии марксистского канона. Так, автор представил несколько иной подход к критике концепций зарубежных исследователей. Он анализировал образ Христа, выстроенный в трудах К. Каутского, Э. Ренана, Ж. Милье, А. Бинэ-Сангле, Я. Минца, Э. Мейера, А. Немоевского, А. Дрекса и др. В работе мы не увидим критики, исходящей из марксистских установок, и обвинений зарубежных исследователей в идеализме. И.А. Кривелёв подходит к анализу трудов с позиций научной объективности, отмечая недостаточность источниковой базы (М.илиД., с. 33), необоснованные суждения и допущения (М.илиД., с. 38, 46), несоответствие приводимых данных выводам (М.илиД., с. 42–43). Кроме того, он признает, что вопрос об историчности Христа не имеет такого первостепенного значения, какое ему придавалось советской наукой в 20–30-е годы XX в., поскольку существование человека-Христа в исторической действительности не противоречит материализму и атеизму в целом, им противоречит лишь признание его божественной природы (М.илиД., с. 49–50). Тем не менее в данном труде этот вопрос поднимается неоднократно, и автор явно дает понять, что придерживается позиции, согласно которой Иисус никогда не существовал (М.илиД., с. 113).

Один из параграфов труда И.А. Кривелёва называется «Какой же из “ликов” [Христа. – А.П.] считать истинным?», в ходе рассуждения на эту тему автор приходит к выводу, что истины мы не знаем, и предлагает читателю изучить все аргументы и сделать вывод самостоятельно (М.илиД., с. 47, 143). На первый взгляд может показаться, что он по-новому воспринимает марксизм, отвергая одну из его основных установок о предопределенности исторического процесса и, соответственно, общеизвестности истины. Однако по большому счету И.А. Кривелёв

«блефует» и заигрывает с читателем, внешне предоставляя тому свободу выбора, но при этом намеренно в более выгодном свете излагая именно марксистскую точку зрения на природу Христа (М.илиД., с. 90–117).

А потому несложно заметить неоднозначность позиции И.А. Кривелёва: с одной стороны, воспринимая происходящие в обществе перемены, он стремится визуальнo обновить марксистский канон, придать ему вид современного научного исследования, где присутствует плюрализм мнений, свобода выбора, некий диалог с читателем, с другой – основы этого канона остаются прежними и практически не меняются.

Итак, хотя некоторые элементы классического критического нарратива присутствовали в советской библеистике вплоть до распада СССР, но к началу 90-х годов XX в. в большинстве трудов они редуцировались до ссылок на К. Маркса и Ф. Энгельса и носили в основном ритуальный характер.

Вышесказанное можно проследить при обращении к труду И.Ш. Шифмана «Ветхий завет и его мир». В книге присутствует единственная цитата Ф. Энгельса, в которой отражена базовая мысль материалистического подхода к изучению религиозных явлений: чтобы избавиться от религии как общественного явления, нужно объяснить ее происхождение и развитие, исходя из исторических условий, в которых она возникла (В.З., с. 8). Эта цитата в сочетании с утверждением, что марксистское изучение Ветхого Завета базируется на принципах исторического материализма, видимо, и заменила ученому методологическое введение. В следующий раз на классиков марксизма-ленинизма И.Ш. Шифман сошлется лишь в заключении (В.З., с. 215–217). К ритуальному упоминанию классиков прибегал и другой исследователь Библии – М.И. Рижский, используя одни и те же ссылки в различных трудах (Кн.Иова, с. 148, 150; Пророки, с. 79, 81).

Подводя итоги, следует сказать, что критический нарратив советской библеистики формировался в течение 20-х – первой половины 30-х годов XX в., и первоначально значительную роль в этом процессе играли идеологи марксизма, пропагандисты-антирелигиозники. Заинтересованные в поступлении новой антирелигиозной литературы, которую можно было бы использовать в целях агитации, они лоббировали перевод зарубежных трудов и пытались легитимировать их авторов в поле марксистской науки, сделав тем самым немногочисленные переведенные издания наиболее авторитетными в вопросах истории религии.

Н.М. Никольский в конце 30-х годов XX в. обобщил результаты нескольких дискуссий об изучении религии в марксистской науке, заложил основы методологии библейских исследований в СССР, которая с рядом небольших дополнений просуществовала до конца советского периода. Исходя из задач данной методологии выстраивалась критика трудов зарубежных исследователей: самым серьезным и в то же время самым распространенным было обвинение в идеализме, под которым подразумевалась неспособность зарубежных авторов изучать исторические процессы объективно и беспристрастно, поскольку те отказывались от использования единственно верной материалистической методологии или не знали о ней, а также находились под влиянием вредоносных идей, выгодных эксплуататорскому классу; всё это автоматически делало их выводы ошибочными, подлежащими пересмотру.

В 50–80-е годы XX в. библейские исследования в целом развивались в рамках заданного еще в 30-е годы марксистского канона, границы которого расширялись за счет введения в оборот новых трудов зарубежных исследователей, однако их критика осуществлялась по прежним лекалам.

Неоднозначная религиозная политика властей позднесоветского периода постепенно расшатывала стройность антирелигиозного дискурса, который на протяжении всего советского времени оказывал серьезное влияние на исследовательский поиск в сфере библеистики, ограничивая его задачами коммунистического строительства. В то же время советский антирелигиозный дискурс включал базовые идеи, методологию исследования, способ выстраивания научного нарратива, в том числе его критической части. Ученые, сформировавшиеся под его влиянием, уже мыслили в его рамках, именно поэтому даже в позднесоветский период многие из них занимались рассмотрением всё того же круга проблем. Однако упомянутое ослабление антирелигиозного дискурса постепенно открывало для исследователей новые возможности, в результате чего наблюдались некоторые попытки выхода из унифицированного нарратива, которые выражались в уклонении от прямых ответов на базовые вопросы библеистики, в изменении тона критики зарубежных авторов или же фактическом отказе от нее. В итоге в конце советского периода многие библеисты отказываются от наиболее устаревших, тенденциозных идей советского марксизма, следствием чего было, в частности, сокращение объема вводной части, а также редуцирование критического нарратива до одной из его составляющих – ссылок на авторитет К. Маркса и Ф. Энгельса, которые без идейной составляющей играли лишь ритуальную роль.

Благодарности. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-09-41014.

Источники

- Отн.раб.п. – *Ленин В.И.* Об отношении рабочей партии к религии // Ленин В.И. Полн. собр. соч.: в 55 т. – М.: Гос. изд-во полит. лит., 1968. – Т. 17. – С. 415–426.
- Энг. – *Энгельс Ф.* Энгельс – Марксу, 25–26 октября 1847 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: в 30 т. – М.: Гос. изд-во полит. лит., 1962. – Т. 27. – С. 92–97.
- Обстановка – *Крупская Н.К.* Обстановка, в которой писалась статья Ленина «О значении воинствующего материализма» // Под знаменем марксизма. – 1933. – № 1. – С. 147–149.
- МоХр. – *Древс А.* Миф о Христе. – М.-Л.: Госиздат., 1925. – 208 с.
- О знач. – *Ленин В.И.* О значении воинствующего материализма // Ленин В.И. Полн. собр. соч.: в 55 т. – М.: Изд-во полит. лит., 1975. – Т. 45. – С. 23–33.
- Крас. – *Красиков П.* От издательства // Древс А. Миф о Христе. – М.-Л.: Гос. изд-во полит. лит., 1925. – С. 3–21.
- Еванг.м. – *Шницберг И.А.* Предисловие // Робертсон Дж. Евангельские мифы. – М.: Атеист, 1923. – С. I – XIV.
- Рел.нравст. – *Логинов А.* Религия и нравственность. Учит ли добру священное писание? – М.: Моск. раб., 1923. – 111 с.
- Ран. – *Ранович А.Б.* Очерк истории раннехристианской церкви. – М.: ГАИЗ, 1941. – 260 с.

- См.иВоскр. – *Румянцев Н.В.* Смерть и воскресение спасителя: Исследование из области сравнительной мифологии. – М.: Атеист, 1925. – 310 с.
- Рождество – *Румянцев Н.В.* Рождество Христово, его происхождение и классовая роль. – М.: Гос. антирелиг. изд., 1937. – 42 с.
- Пасха – *Румянцев Н.В.* Пасхальная мифология. – М.: Атеист, 1924. – 249 с.
- Лег.оХр. – *Логонов А.* Легенда о Христе. – М.: Безбожник, 1926. – 79 с.
- О боге – *Логонов А.* О господе боге и о святых его. – М.: Безбожник, 1926. – 30 с.
- Рум.1 – *Румянцев Н.В.* Дохристианский Христос. – М.: Атеист, 1926. – 108 с.
- Рум.2 – *Румянцев Н.В.* Рождество Христово. Очерк сравнительной мифологии. – М.: Атеист, 1923. – 16 с.
- Ж.И.1 – *Штраус Д.* Жизнь Иисуса: в 2 т. – М.: Тип. А.П. Поплавского, 1907. – Т. 1. – 294 с.
- Ж.И.2 – *Штраус Д.* Жизнь Иисуса: в 2 т. – М.: Тип. А.П. Поплавского, 1907. – Т. 2. – 288 с.
- Ист.Изра. – *Велльгаузен Ю.* Введение в историю Израиля. – СПб.: Пирамида, 1909. – XXII, 427 с.
- Ник. – *Никольский Н.М.* Некоторые основные проблемы общей и религиозной истории Израиля и Иуды // *Ранович А.Б.* Очерк истории древнееврейской религии. – М.: ГАИЗ, 1937. – С. III – LXXXIV.
- Кн.оБибл. – *Крывелёв И.А.* Книга о Библии. – М.: Изд-во соц.-эконом. лит., 1959. – 360 с.
- РиАт. – *Каждан А.П.* Религия и атеизм в древнем мире. – М.: Изд-во АН СССР, 1957. – 343 с.
- Проб.кр. – *Никольский Н.М.* Проблемы критики библии в советской науке // *Вестн. древн. истории.* – 1938. – № 1. – С. 30–44.
- Пр.хр. – *Ковалёв С.И.* Вступительная статья // *Робертсон А.* Происхождение христианства. – М.: Изд-во иностр. лит., 1959. – С. 5–26.
- Нов.ред. – Программа Коммунистической партии Советского Союза. Новая редакция. 1986 г. // XXVII съезд Коммунистической партии Советского Союза. 25 февр. – 6 марта 1986 г. Стенографический отчет: в 3 т. – М.: Политиздат, 1986. – Т. 1. – С. 554–623.
- М.илиД. – *Крывелёв И.А.* Христос: миф или действительность? – М.: Обществ. науки и современность, 1987. – 143 с.
- В.З. – *Шифман И.Ш.* Ветхий завет и его мир. – М.: Политиздат, 1987. – 239 с.
- Кн.Иова – *Рижский М.И.* Книга Иова. – Новосибирск: Наука, 1991. – 248 с.
- Пророки – *Рижский М.И.* Библейские пророки и библейские пророчества. – М.: Политиздат, 1987. – 366 с.

Литература

1. *Лучшев Е.М.* Антирелигиозная пропаганда в СССР: 1917–1941 гг. – СПб.: Информ.-техн. агентство Ритм, 2016. – 364 с.
2. *Крих С.Б., Метель О.В.* Формирование марксистского подхода к изучению религиозных феноменов в советской научной традиции (1920-е – начало 1930-х гг.) // *Изв. Урал. фед. ун-та. Сер. 2. Гуманит. науки.* – 2014. – Т. 16, № 3. – С. 256–269.
3. *Попова А.А.* Священная история в сатирическом жанре советской антирелигиозной пропаганды 1920-х гг. // *Вестн. Ом. ун-та. Сер. Ист. науки.* – 2021. – Т. 8, № 4. – С. 194–203. – doi: 10.24147/2312-1300.2021.8(4).194-203.
4. *Крих С.Б.* Советская историография древности о буржуазной: предисловия к переводам зарубежных книг // *Социальные институты в истории: ретроспекция и реальность: Сб. ст.* – 2014. – Вып. 1. – С. 192–212.

5. *Попова А.А.* Панвавилонизм в российской исторической науке первой трети XX века: от критики к эксплуатации // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2020. – Т. 162, кн. 3. – С. 27–41. – doi: 10.26907/2541-7738.2020.3.27-41.
6. *Метель О.В.* «Поиски классики» в советской историографии первоначального христианства 1920–1930-х гг.: Ф. Энгельс против К. Каутского // Вестн. Ун-та Дмитрия Пожарского. – 2016. – № 2. – С. 107–130.
7. *Метель О.В.* Советская модель изучения первоначального христианства (1920–1990-е гг.). – Омск: Полиграф. центр КАН, 2012. – 170 с.
8. *Смолкин В.* Свято место пусто не бывает: история советского атеизма. – М.: НЛО, 2021. – 325 с.
9. *Крих С.Б., Метель О.В.* Советская историография древности в контексте мировой историографической мысли. – М.: ЛЕНАНД, 2014. – 256 с.

Поступила в редакцию
21.06.2022

Попова Алиса Андреевна, аспирант кафедры всеобщей истории
Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского
пр. Мира, д. 55 а, г. Омск, 644077, Россия
E-mail: alispopova13@yandex.ru

ISSN 2541-7738 (Print)
ISSN 2500-2171 (Online)

UCHENYE ZAPISKI KAZANSKOGO UNIVERSITETA. SERIYA GUMANITARNYE NAUKI
(Proceedings of Kazan University. Humanities Series)

2022, vol. 164, no. 6, pp. 81–94

ORIGINAL ARTICLE

doi: 10.26907/2541-7738.2022.6.81-94

**Western Biblical Studies in Soviet Historiography:
Formation and Evolution of the Critical Narrative**

A.A. Popova

Dostoevsky Omsk State University, Omsk, 644077 Russia
E-mail: alispopova13@yandex.ru

Received June 21, 2022

Abstract

The critical narrative, which was part of the unified canon of Marxist biblical studies, took shape under the impact of both external (USSR anti-religious policy) and internal (scholarly research, discussions, and polemics) factors. In the 1920s, anti-religious propagandists determined its development. Subsequently, in the late 1930s, it was legitimized in the academic field by the program articles of biblical scholars. Thus, a core of cited and criticized authors was established by the late 1930s, as well as key topics, methods of criticism, and principles of text design. This structure remained practically unchanged until the end of the Soviet era, when the state policy on religion became ambiguous and blurred the anti-religious discourse. Consequently, the unified narrative of Soviet biblical studies began to disintegrate, thereby forcing scholars to look for ways out of it. However, the views held by Soviet biblical scholars soaked the basics of the anti-religious discourse, so it was difficult for them to move away from the long-standing patterns. For this reason, they only tried to bring a fresh perspective to their reasoning: they avoided giving direct answers to the basic questions of biblical scholarship and changed the tone of criticism toward western authors or refused it. At the end of the Soviet era, most biblical scholars rejected the outdated and tendentious ideas

of Marxism, but they still addressed almost the same scope of issues, partly the elements of Marxist methodology and terminology as its integral part.

Keywords: Soviet historiography, biblical studies, Bible, anti-religious propaganda, religious policy of the USSR

Acknowledgements. This study was supported by the Russian Foundation for Basic Research (project no. 20-09-41014).

References

1. Luchshev E.M. *Antireligioznaya propaganda v SSSR: 1917–1941 gg.* [Anti-Religious Propaganda in the USSR: 1917–1941]. St. Petersburg, Inf.-Tekh. Agentstvo Ritm, 2016. 364 p. (In Russian)
2. Krikh S.B., Metel O.V. The development of the Marxist approach to studying religious phenomena in the Soviet academic tradition (1920s–early 1930s). *Izvestiya Ural'skogo Federal'nogo Universiteta. Seriya 2. Gumanitarnye Nauki*, 2014, vol. 16, no. 3, pp. 256–269. (In Russian)
3. Popova A.A. Sacred history in the satirical genre of Soviet anti-religious propaganda in 1920s. *Vestnik Omskogo Universiteta. Seriya: Istoricheskie Nauki*, 2021, vol. 8, no. 4, pp. 194–203. doi: 10.24147/2312-1300.2021.8(4).194-203. (In Russian)
4. Krikh S.B. Soviet historiography of ancient world about bourgeois historiography: Forewords to the translations of foreign books. In: *Sotsialnye Instituty v Istorii: Retrospektsiya i Real'nost': Sb. st.* [Social Institutions in History: Retrospection and Reality: A Collection of Articles], 2014, vol. 1, pp. 192–212. (In Russian)
5. Popova A.A. Panbabylonism in Russian historical scholarship of the first third of the 20th century: From criticism to exploitation. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2020, vol. 162, no. 3, pp. 27–41. doi: 10.26907/2541-7738.2020.3.27-41. (In Russian)
6. Metel O.V. “Searching for classics” in Soviet historiography of the early Christianity during the 1920–1930s: F. Engels against K. Kautsky. *Vestnik Universiteta Dmitriya Pozharskogo*, 2016, no. 2, pp. 107–130. (In Russian)
7. Metel O.V. *Sovetskaya model' izucheniya pervonachal'nogo khristianstva (1920–1990-e gg.)* [A Soviet Model for Studying the Early Christianity (1920–1990s)]. Omsk, Poligraf. Tsentr KAN, 2012. 170 p. (In Russian)
8. Smolkin V. *Svyato mesto pusto ne byvaet: istoriya sovetskogo ateizma* [A Sacred Space Is Never Empty: A History of Soviet Atheism]. Moscow, NLO, 2021. 325 p. (In Russian)
9. Krikh S.B., Metel O.V. *Sovetskaya istoriografiya drevnosti v kontekste mirovoi istoriograficheskoi mysli* [Soviet Historiography of Antiquity in the Context of World Historiographic Thought]. Moscow, LENAND, 2014. 256 p. (In Russian)

Для цитирования: Попова А.А. Зарубежная библеистика в советской историографии: формирование и эволюция критического нарратива // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2022. – Т. 164, кн. 6. – С. 81–94. – doi: 10.26907/2541-7738.2022.6.81-94.

For citation: Popova A.A. Western biblical studies in Soviet historiography: Formation and evolution of the critical narrative. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2022, vol. 164, no. 6, pp. 81–94. doi: 10.26907/2541-7738.2022.6.81-94. (In Russian)